

Н. С. Онегин

Частные историко-бытовые собрания и их музеефикация в Санкт-Петербурге на рубеже XIX–XX в.

В истории музейного дела особое место занимает проблема генезиса историко-бытовых музеев. В России данный вид музеев получил развитие в 1920-е гг., но фундамент для его появления был заложен дореволюционными частными собраниями памятников русского быта. Сформировавшиеся в условиях особой культурной ситуации, эти коллекции были различными по составу, способу комплектования и видам презентации.

Ключевые слова: ретроспективизм, историко-бытовой музей, частная коллекция, Утеман, Озаровский, музеефикация

Nikolai S. Onegin

Private collections of every-day items and their museumification in Saint Petersburg in late 19th – early 20th century

In museology a special place is the problem of genesis of every-day culture museums. This type of museums received development in Russia in 1920s; but the foundation for them was laid by the private collections of every-day items in the pre-Revolution period. Those collections were founded in a specific cultural situation, and were different in items, types of completion and presentation.

Keywords: Retrospectivism, every-day culture museum, private collection, Uteman, Ozarovsky, museumification

В настоящее время в российском научном сообществе наблюдается повышенный исследовательский интерес к культуре повседневности и предметному наследию прошлых эпох. Некоторая «ностальгия по ушедшему прошлому», например, дореволюционному или советскому, находит отражение в книгах, лекциях, временных выставках и экспозициях историко-бытовых музеев, которые пользуются популярностью у публики. В собраниях коллекционеров также все больше заметно обращение не только к эксклюзивным памятникам высокого уровня, но и к рядовым предметам городского или сельского домашнего обихода.

Подобный ретроспективизм, т. е. интерес к прошлому, наблюдался в России на рубеже XIX–XX в., когда стали формироваться частные собрания предметов русского городского быта, ставшие после 1917 г. основой историко-бытовых музеев. Несмотря на существование научных работ о создании данного вида музеев в советское время¹, этап генезиса историко-бытовых коллекций в дореволюционную эпоху остается все еще малоизученным, в силу утраты большого количества материалов по данному вопросу. В связи с этим представляется важным рассмотреть некоторые аспекты формирования и существования частных коллекций предметов историко-бытового характера, а также попытки их музеефикации до 1917 г. Этому способствует изучение вновь выявленных документов и материалов, дополняющих знания по данной тематике.

Следует отметить, что рубеж XIX–XX в. ознаменован изменениями в технической, промышленной,

социальной и культурной сторонам жизни. Это во многом обусловило обратную реакцию среди некоторых интеллектуалов России того времени, названными впоследствии «ретроспективными романтиками»². Как отмечает И. В. Саверкина, в это время «окружающая действительность воспринималась как чуждая гармонии и красоты. Поиск новых эстетических ценностей велся вне реальности, в частности, в идеализации прошлого»³.

Тенденция изучения и сохранения материальных «свидетелей» истории активизировалась на фоне «строительного бума» начала XX в., когда в столице в угоду новым планировочным решениям структуры города сносили ценные памятники архитектуры и культуры. Опасность утратить «старый Петербург», сложившийся облик его зданий и структуру архитектурных ансамблей привела, с одной стороны, к художественной поэтизации и воспеванию «петербургской старины», а с другой – к появлению целого ряда научных обществ и печатных изданий, обращенных к проблеме сохранения культурного наследия города.

Такие издания, как «Мир искусства» (1898–1904), «Известия Императорской Археологической комиссии» (1901–1918), «Русская старина» (1870–1918), «Исторический вестник» (1880–1917), «Старые годы» (1907–1916), «Аполлон» (1909–1917), «Зодчий» (1872–1924) и «Столица и усадьба» (1913–1917), публиковавшие статьи известных историков, художников и архитекторов, способствовали актуализации в обществе интереса к памятникам прошлого.

В русле ретроспективизма возникли объединения, деятельность которых была направлена на

описание, фиксацию и по возможности детальное изучение сохранившихся «остатков старины»⁴. Особую роль в данном процессе сыграло основанное в 1903 г. «Общество архитекторов-художников», которое оказалось одним из первых институтов, поставивших задачу охраны «старого Петербурга»⁵. Историк искусства А. Н. Бенуа назвал данный период «эрой культа нашей петербургской старины»⁶.

Знаковым в этом плане стал выход книг краеведа М. И. Пыляева «Старый Петербург»⁷ и «Старое житье»⁸. Эти труды, выпущенные как исторические записки, содержали богатый фактологический материал, но несли в себе также некоторую поэтизацию бытовых сторон жизни обитателей города.

Описанные выше явления нашли воплощение в работах членов художественного объединения «Мир искусства» А. Н. Бенуа, М. В. Добужинского, Е. Е. Лансере и В. А. Серова. Организованные ими экспозиции собственных работ, а также выставки старых русских мастеров сыграли немаловажную роль в формировании интереса публики к прошлому столицы: «Петербургца сделал коллекционером восторженный ретроспективизм «Мира искусства». Характер его коллекционерства был определен и обусловлен ими», – отмечал А. Эфрос⁹.

Важной вехой этой эпохи были выставки, демонстрировавшие городской быт прошлых эпох. Первой экспозицией такого рода стала «Русская портретная живопись за 150 лет (1700–1850 гг.)» 1902 г., на которой были представлены старинные изображения Санкт-Петербурга из коллекций С. С. Боткина, князя В. Н. Аргутинского-Долгорукова, А. Н. Бенуа и П. Я. Дашкова. По словам М. В. Добужинского, выставка «стала одним из стимулов к возникновению у нас в последующие годы культа Старого Петербурга, к появлению множества книг, ему посвященных»¹⁰. Затем последовали экспозиции, ставшие знаковыми в культурной жизни России рассматриваемого периода: выставка журнала «Старые годы» (1908 г.), «Историческая выставка архитектуры» (1911 г.), Царскосельская юбилейная выставка (1911 г.) и выставка «Ломоносов и Елизаветинское время» (1912 г.). По мнению исследователей, эти экспозиции, с одной стороны, демонстрировали эмоциональную силу и эстетическую привлекательность подлинных свидетелей истории, а с другой – наглядно показывали постепенную утрату связей с искусством и бытом прошлых поколений¹¹. Все эти выставки проходили с неизменным привлечением сохранившихся историко-бытовых памятников из частных коллекций – предметов мебели, остатков тканей, старинных костюмов и аксессуаров, книг, изделий из фарфора, стекла, кости и серебра.

Частные собрания подобного рода стали формироваться в конце XIX столетия, когда на волне интереса к отечественному прошлому антиквары

перешли от приобретения произведений живописи и скульптуры «в античном вкусе» к покупке предметов русского домашнего обихода. Причем в одних случаях ценилась художественно-эстетическая составляющая вещей, а в других – их историческая значимость в качестве образцов русской старины, в том числе ввиду типичности их форм для своего времени.

Собиратели эпохи Серебряного века, разумеется, учитывали опыт предыдущих поколений коллекционеров памятников русского быта: П. П. Свинына, П. Ф. Карабанова, Н. П. Румянцева и др.¹², – но формировали свои коллекции, уже имея в виду обозначившийся интерес интеллектуальной публики к российской истории и ее сохранившимся свидетельствам.

Тон в коллекционировании задавала столица, где существовало наибольшее количество частных собраний: «Все были в общей волне этой страсти. Это было любительством, когда собиралось вообще то, что нравилось, без погони за раритетами и без всякой системы»¹³.

Среди частных коллекций рубежа XIX–XX в. были те, которые по характеру хранившихся в них предметов можно было назвать историко-бытовыми: К. М. Горчакова (годы жизни неизвестны), П. П. Вейнера (1879–1931) и др. Важной особенностью некоторых собраний в Санкт-Петербурге той поры было желание «хранителей старины» избежать подобия антикварного магазина или лавки старьевщика и создать по возможности ансамбль памятников, дающий представление о прошлом в виде комплекса. «Вне ансамбля нет диалога вещей, нет той убедительной для нашего сознания беседы, которую ведут они, когда они вместе, и всеми своими признаками так чудесно дополняют друг друга вплоть до полной характеристики эпохи»¹⁴, – отмечал коллекционер Ю. Э. Озаровский.

Примером подобного подхода среди собирателей был князь Владимир Николаевич Аргутинский-Долгоруков (1874–1941)¹⁵, который из собранной им коллекции рисунков и предметов русского быта создал в своих апартаментах «нечто очень парадное и дающее иллюзию старины»¹⁶.

Другой петербургский коллекционер – Ф. Ф. Утеман (1868–1925) – также оформил свою квартиру в соответствии с предметами своего собрания: «В сущности, собрание господина Утемана едва ли можно назвать коллекцией. Это скорее роскошная обстановка, выдержанная почти вся в духе XVIII в. Вещи „служат“, а не выставлены напоказ. Это одна из прелестей этого собрания»¹⁷. В данном случае памятники прошлого были вписаны в стилистически соответствующее им окружение, а не выделялись в качестве обособленных раритетов.

Объединение различных по своим художественным качествам старинных предметов в еди-

ный гармоничный ансамбль было характерно и для собрания братьев П. В. и К. В. Охочинских¹⁸.

Приведенные выше примеры позволяют утверждать, что среди коллекционеров предметов историко-бытового характера существовали те, кто хотел превратить свое собрание в подобие исторические сложившего ансамбля, докупая необходимые вещи. Это является результатом желания, с одной стороны, закрыться от реального мира в правдоподобной иллюзии старинного интерьера, наполненного антиквариатом, с другой – сделать свое собрание комплексным и привлекательным для образованных посетителей.

В ряду историко-бытовых собраний особый интерес представляет коллекция режиссера Александринского театра и члена «Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины» Юрия Эрастовича Озаровского (1869–1924).

В основу его собрания, которое начало формироваться в 1899 г., легли предметы быта XVIII – начала XIX в. – мебель, посуда, ткани, различные бытовые изделия из фарфора и кости. Отличие данной коллекции от описанных выше заключается в изначальной цели собрания, которая была тесно связана не с простой любознательностью или увлечением ретроспективизмом, а с профессиональной деятельностью коллекционера. Ю. Э. Озаровский как театральный постановщик стремился как можно точнее воссоздать на сцене атмосферу прошлого, включая обстановку в интерьере и костюмы актеров, а для понимания исторических эпох ему необходимы были подлинные памятники русской старины, на основе которых он мог бы изучать бытовую культуру. Таким образом, коллекционирование в данном случае было продиктовано не только страстью к старинным вещам, но и профессиональной необходимостью.

На основе собранной коллекции Ю. Э. Озаровский открыл для публики на Соляном переулке собственный частный музей «Старый домик», получивший свое название из-за расположения в здании 1779 г. постройки. На церемонии открытия 23 февраля 1914 г. историк Г. К. Лукомский в своем выступлении подчеркнул, что детище Ю. Э. Озаровского станет «неотъемлемой частью общего музея (истории города. – Н. О.), который ждет еще своего осуществления»¹⁹.

Фактически «Старый домик» оказался первым частным музеем в Санкт-Петербурге, посвященным истории городского быта прошлого. Его отличие от других собраний, которые также позиционировали себя как «музей», состоит в том, что «Старый домик» был открыт для публики – его мог посетить любой человек, заплативший за вход и услуги гардеробщика²⁰, а не только узкий круг друзей владельца. В том же году вышел печатный каталог важнейших экспонатов²¹.

Экспозиция музея, как видно на недавно введенных в научный оборот фотоснимках Я. В. Штейнберга²² с видами «Старого домика»²³, представляла собой анфиладу помещений с реконструкциями интерьеров определенного исторического периода. Там были «Допетровская», «Петровская», «Елизаветинская», «Екатерининская» и «Александровская» комнаты, в которых была воссоздана обстановка городского жилого интерьера конкретного царствования. Эти «ансамбли предметов старинной русской домашней обстановки»²⁴ состояли как из подлинных предметов XVIII – начала XIX в., так и некоторых дополнений, в том числе копий, созданных специально для музея. Для наибольшего погружения в прошлое решено было отказаться внутри музея от витрин, ограничительных веревочек, этикеток и сопроводительных материалов, которые могли бы отвлекать посетителя от атмосферы «русской старины». Как отмечает Т. Ю. Юренева, такой прием позволяет «воссоздать всю ту целостную историческую среду, которая формируется различными по степени ценности объектами»²⁵.

Отличительной чертой музея Ю. Э. Озаровского являлся тот факт, что в его стенах ставились реконструированные пьесы XVIII в. и проходили тематические вечера, посвященные искусству прошлого. То есть «Старый домик» оказался не просто открытой для публики частной коллекцией, но и своего рода культурным центром по изучению истории быта.

В 1916 г. коллекция музея была продана Школе народного искусства императрицы Александры Федоровны, а после революции попала сначала в историко-бытовой отдел Государственного Русского музея и затем – в Государственный Эрмитаж²⁶.

Несмотря на короткий период своего существования, «Старый домик» оказался реализованной попыткой музеефикации частного собрания памятников культуры повседневности, а также важным примером, который в купе с другими коллекциями позволяет говорить о генезисе историко-бытовых музеев в дореволюционный период.

После смены политической власти в России интерес к историко-бытовым комплексам резко возрос, поскольку «революция содействовала быстрому отмиранию старых форм быта. Закрепить умиравшие и уже умершие формы быта в музее сделалось настоятельно необходимым»²⁷. Уже 1 июня 1918 г. был основан Историко-бытовой отдел Государственного Русского музея, призванный изучать «использование вещей в быту разных классов города <...> и воссоздать подлинную картину прошлого»²⁸.

И хотя формирование и существование историко-бытовых выставок и музеев в 1918–1920-е гг. происходило в условиях новых реалий советской системы, нельзя не отметить, что фундаментом

для них оказался тот опыт, который можно было извлечь из дореволюционных частных собраний и попыток их музеефикации²⁹. Так, историк М. В. Фармаковский в книге «Техника экспозиции в историко-бытовых музеях» писал о важности для музейной практики опыта создания ансамблевых экспозиций и «синтетических реконструкций», апробированного на ретроспективных выставках 1900–1910-х гг. и в музее «Старый домик»³⁰.

В заключение следует указать, что обращение к проблеме генезиса историко-бытовых собраний позволяет выявить обстоятельства их формирования, особенности существования и опыт музеефикации в условиях культурной ситуации рубежа XIX–XX в. Становится возможным обозначить опыт собирателей «русской старины», который выразился в используемых частными коллекционерами принципах отбора памятников по истории быта, приемах их демонстрации публике и методах музеефикации собраний с учетом тенденций в выставочном деле рассматриваемого периода.

Опыт коллекционеров дореволюционной эпохи получил теоретическое и практическое осмысление уже после 1917 г. в трудах ведущих историков и специалистов в области музейного дела, однако может быть проанализирован и использован в современной России в контексте интереса научного сообщества к культуре повседневности и историко-бытовым собраниям.

Примечания

¹ См.: Приселков М. Д. Историко-бытовые музеи. Л.: ГРМ, 1926. С. 6–11; Мاستеница Е. Н. Историко-бытовые музеи как явление культуры 1920-х гг. // Быт как фактор экстремального влияния на историко-психологические особенности поведения людей: материалы XXII междунар. науч. конф. / под ред. С. Н. Полторака. СПб.: Нестор, 2007. Ч. 2. С. 69–72.

² Волков С. История культуры Санкт-Петербурга с основания до наших дней. М., 2001. С. 143.

³ Саверкина И. В. История частного коллекционирования в России. СПб.: СПбГУКИ, 2004. С. 84.

⁴ Полякова М. А. Подходы к изучению культурного наследия России в XVIII – начале XX в. // Вестн. РГГУ. 2008. № 10. С. 57–58.

⁵ Петрова Л. И. Городской музей и власть, 1880–1930-е гг.: Петербургский городской музей, Музей Старого Петербурга, Музей Города: дис. ... канд. ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2014. Л. 96.

⁶ Бенуа А. Н. Возникновение «Мира искусства». Л.: Комитет популяризации худож. изд., 1928. С. 45.

⁷ Пыляев М. И. Старый Петербург: рассказы из былой жизни столицы. СПб.: А. С. Суворин, 1887. 471 с.

⁸ Пыляев М. И. Старое житье. СПб.: А. С. Суворин, 1892. 323 с.

⁹ Эфрос А. Петербургское и московское собирательство: параллели // Среди коллекционеров. 1921. № 4. С. 14.

¹⁰ Добужинский М. В. Воспоминания. М.: Наука, 1987. С. 194.

¹¹ Золотинкина И. А. Журнал «Старые годы» и ретроспективное направление в художественной жизни Петербурга, 1907–1916: дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2009. Л. 73–77.

¹² Буров Н. В. Превращение частной коллекции в государственный музей: одна из первых попыток: судьба собрания Н. П. Румянцева // Вопр. музеологии. 2010. № 1. С. 63–77.

¹³ Добужинский М. В. Указ. соч. С. 207–208.

¹⁴ Озаровский Ю. Э. Как собирался «Старый домик»? : из впечатлений коллекционера // Столица и усадьба. 1914. № 18. С. 18.

¹⁵ Аргутинский-Долгоруков Владимир Николаевич // Государственный Русский музей: из истории музея: сб. ст. СПб.: ГРМ, 1995. С. 82.

¹⁶ Бенуа А. Н. Мои воспоминания: в 5 кн. М.: Наука, 1990. Кн. 2. С. 334.

¹⁷ Бенуа А. Н. Собрание Ф. Ф. Утемана в С.-Петербурге // Старые годы. 1908. Апр. С. 189.

¹⁸ Рейц. Братья Охочинские // Среди коллекционеров. 1921. № 4. С. 32–36.

¹⁹ Открытие музея «Старый домик» // Речь. 1914. № 53. С. 11.

²⁰ Озаровский Ю. Э. «Старый домик» // Солнце России. 1914. № 212. С. 12.

²¹ Старый домик: музей старины Ю. Э. Озаровского: перечень главнейших предметов: по комнатам. СПб.: Голике и Вильборг, 1914. 10 с.

²² Оригиналы фотоснимков хранятся в Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (ЦГАКФФД СПб), архиве Государственного Эрмитажа, архиве Музея русской драмы Государственного академического театра драмы им. А. С. Пушкина (Александринского) и частных коллекциях.

²³ Онегин Н. С. «Старый домик» Юрия Озаровского: из истории коллекционирования в России // Антиквариат: предметы искусства и коллекционирования. 2011. № 11 (91). С. 42–50.

²⁴ Старый домик. С. 3.

²⁵ Юренева Т. Ю. Музееведение. М.: Акад. проект, 2004. С. 209.

²⁶ Гусева Н. Ю. Мебель из «Старого домика» Ю. Э. Озаровского из собрания Государственного Эрмитажа // Судьбы музейных коллекций: сб. материалов VII Царскосел. науч. конф. СПб.: Царское Село, 2001. С. 213–218.

²⁷ Цит. по: Ананьев В. Г., Майоров А. В. Историко-бытовые музеи как культурная форма: по архивным материалам // Вопр. музеологии. 2010. № 1. С. 54.

²⁸ Приселков М. Д. Вступительное слово // Зап. ист.-быт. отд. Л.: ГРМ, 1928. № 1. С. 3.

²⁹ Приселков М. Д. Историко-бытовые музеи. Л.: ГРМ, 1926. С. 19–27.

³⁰ Фармаковский М. В. Техника экспозиции в историко-бытовых музеях. Л.: ГРМ, 1928. С. 19.